

А. Б. РЕЗНИКОВ

О ЧАРТИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В 1842 г.

Были ли чартисты самостоятельной политической партией пролетариата? Этот вопрос является основным в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала. Ответ следует, видимо, искать в конкретном изучении тактики, программы и организационных принципов чартизма.

Нам кажется, что рассмотрение чартистской прессы 1842 г. позволит яснее понять тактику чартистов, их отношение к буржуазным радикалам, теоретический уровень движения и роль Национальной чартистской ассоциации, а это, в свою очередь, поможет выяснить основной вопрос дискуссии.

1842 г. был переломным в истории чартизма. Именно в это время в процессе острой классовой борьбы отчетливо проявился его пролетарски-революционный характер, а буржуазные элементы, потерпев неудачу в попытке возглавить движение, отошли от него; произошло «решительное отделение пролетариата от буржуазии»¹.

* * *

Б. А. Рожков в своей статье «К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов»² акцентирует внимание на классовом, пролетарском характере революционного чартизма. В частности, останавливаясь на событиях 1842 г., Б. А. Рожков подчеркивает самостоятельность позиции, занятой чартистами по отношению к буржуазным радикалам. С этим нельзя не согласиться.

В начале 1842 г. в непосредственной связи с подъемом движения пролетариата за Хартию и с курсом правительства Пили на сохранение хлебных законов широкие круги фритредерской буржуазии стали переходить на радикальные позиции.

Еще в ноябре 1841 г. конференция фритредеров в Манчестере поручила радикалам Джозефу Стёрджу и Шермену Кроуфорду составить проект декларации с требованием полного избирательного права. Этот документ был опубликован в декабре 1841 г., а 25 января 1842 г. образовался Временный комитет Бирмингемской ассоциации полного избирательного права под председательством Стёрджа³. Это было пока движение сравнительно небольшой группы буржуазных радикалов. Но когда в феврале окончательно выяснилось, что правительство Пили не собирается идти на уступки фритредерам, Лига против хлебных законов выступила за широкую реформу избирательного права.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 457.

² «Новая и новейшая история», 1959, № 3.

³ См. «Report of the Proceedings at the Conference of Delegates of the Middle and Working Classes, Held at Birmingham, April 5, 1842 and Three Following Days». London, 1842.

В первой половине февраля 1842 г. в лондонской таверне «Корона и якорь» по инициативе Стёрджа собралась группа делегатов конференции фритредеров. В числе участников совещания были видные буржуазные общественные деятели Брайт, Кроуфорд, Прентис, Иббетсон, Томпсон, Стенсфилд, Майалл и др.; были приглашены также чартисты Уильям Ловетт и Генри Гетерингтон. Общую точку зрения выразил Майалл, сказавший, что агитация за отмену хлебных законов будет безуспешной, пока фритредеры не выступят за расширение избирательного права. Борьба Лиги продолжается уже около трех лет, но аристократия не идет на уступки. «Чтобы сдвинуть с места аристократию,— говорил он,— нам необходим рычаг посильнее тех, которые мы до сих пор пускали в ход; этот рычаг можно найти только путем расширения избирательного права». Рабочие не поддержат сторонников свободной торговли, если те будут обещать им расширение избирательного права только после отмены хлебных законов. Поэтому агитацию за расширение избирательного права следует начать немедленно. Буржуазия поддержит это движение во имя уничтожения «монополий» (имелись в виду хлебные законы). В таком же духе выступали Янг, Прентис, Кроуфорд⁴.

Собрание «богатейших промышленников» Манчестера тоже высказалось за всеобщее избирательное право и тайное голосование⁵.

Эти примеры показывают истинные мотивы, обусловившие переход буржуазии на радикальные позиции. То, что потом объявлялось требованием общедемократического характера, было задумано буржуазией как средство удовлетворения ее собственных классовых интересов. Чартисты, внимательно следившие за поведением Лиги, правильно оценили «новый ход» фритредеров как попытку добиться отмены хлебных законов с помощью рабочего класса⁶.

Изменение позиции буржуазии проявилось в поведении фритредеров на многочисленных собраниях в феврале — марте 1842 г. в Солфорде, Уигане, Лестере, Шеффилде, Ноттингеме, Ковентри, Дерби, Хаддерсфилде, Лондоне и других промышленных центрах. Инициаторами митингов были местные отделения Лиги, старавшиеся обеспечить присутствие рабочих.

Фритредеры, выступая за отмену хлебных законов и обращаясь к чартистам за поддержкой, высказывались теперь также за широкую реформу избирательного права. Так, в Шеффилде фритредеры предложили резолюцию с требованием всеобщего избирательного права, а в Ковентри высказались за «полное и свободное представительство всего народа». Чартисты же, охотно участвовавшие в этих собраниях, выступали за Хартию «в полном объеме» (Whole and Entire) и высказывались против участия рабочих до победы Хартии в борьбе за отмену хлебных законов. Так, резолюция, принятая в Мэрилебоне по предложению О'Коннора, отмечала, что в существующих условиях отмена хлебных законов не принесет пользы рабочим, единственной целью которых должно быть завоевание Хартии. «Мы, члены Национальной чартистской ассоциации Шеффилда,— говорилось в резолюции, внесенной Дж. Гарни,— желая избежать какого-либо неправильного толкования наших намерений, настоящим объявляем, что мы объединимся с буржуазией только при условии, если этот класс сделает Хартию в полном объеме единственной целью агитации»⁷. Лишь в нескольких городах фритредерам удалось заручиться поддержкой чартистов. Так, в Уолвергемптоне фритредеры и чартисты вместе голосовали за внесенную буржуа Уокером резолюцию с требованием отмены хлебных законов и узаконения Хартии⁸.

В конце 1842 г. в одной статье резко антифритредерского содержания, помещенной в «The Quarterly Review», упоминалось о совещании руководителей манчестерских чартистов и фритредеров, которое будто бы состоялось в Манчестере 15 февраля. Статья утверждала, что чартисты и фритредеры разработали проекты совместных резолюций, содержащих требование полной отмены хлебных законов и введения всеобщего избирательного права, что на следующий день состоялось собрание в Стефонсон-сквер, в котором «чартисты, конечно, принимали участие». Оно одобри-

⁴ «The Northern Star», 19.II.1842.

⁵ The Northern Star, 26.II. 5.III.1842.

⁶ «The Northern Star», 26.II.1842.

⁷ «The Northern Star», 5.III.1842.

⁸ «The Northern Star», 26.II.1842.

до резолюции, подготовленные совещанием накануне⁹. Если бы это сообщение было правильным, то оно означало бы, что манчестерские чартисты провозгласили целью движения всеобщее избирательное право, а не всю Хартию и решили включиться в борьбу против хлебных законов. Однако газета чартистов «The Northern Star» не говорит ни слова о совещании 15 февраля и собрании 16 февраля, но содержит материалы, представляющие позицию манчестерских чартистов в ином свете. 20 февраля в помещении чартистской ассоциации Манчестера состоялось собрание делегатов, т. е. руководителей чартистских организаций Южного Ланкашира, на котором были представлены также чартистские организации Манчестера с центрами на Редферн-стрит, Браун-стрит и Йорк-стрит. Собрание приняло резолюцию, отвергавшую компромисс с Лигой, и обращение «К чартистам всего Соединенного Королевства». В нем отмечалось, что буржуазия «не может достичь своей цели без помощи и содействия трудящихся миллионов» и поэтому она с помощью наемных агентов распускает слухи об объединении буржуазии и рабочих в борьбе против хлебных законов. Напомнив о многочисленных попытках буржуазии подчинить себе рабочее движение, обращение спрашивало: «Можно ли ожидать, что мы окажем доверие таким людям? Не должны ли мы отнестись к ним скептически? Разве мы недостаточно убеждены в том, что они желают лишь превратить нас в орудие, чтобы добиться отмены хлебных законов? Разве такие люди допустили бы нас к политической власти, если бы это зависело от них? Какие могут быть у них мотивы, какие планы — кроме обмана и интриг?»¹⁰.

2 марта митинг манчестерских чартистов потребовал узаконения Хартии и выразил мнение, что никакая другая агитация, кроме агитации за Хартию, не принесет пользы и не избавит народ от бедствий¹¹. В апреле председатель Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации Джеймс Лич отмечал, что на всех публичных митингах в Манчестере, куда чартисты получали доступ, попытки Лиги увлечь за собой рабочих не имели успеха¹².

Если принять во внимание и то, что «The Northern Star», подвергавшая тогда резкой критике всякую попытку пойти на соглашение с фритредерами, ни одним словом не осудила поведение манчестерских лидеров, станет ясным, что автор статьи в «The Quarterly Review» основывал свое сообщение на ложных слухах¹³.

Нежелание чартистов вступить в союз с Лигой и принять участие в борьбе за отмену хлебных законов признавалось прессой всех направлений. Газета «The Leeds Mercury», представлявшая ту часть фритредерской буржуазии, которая осуждала заигрывания радикалов с Хартией, характеризовала их действия как «попытку примирить буржуазию и рабочий класс и объединить их в требовании всеобщего или полного избирательного права». Радикалы, продолжала газета, видят в этом объединении только средство для установления свободы торговли и поэтому «усиленно ухаживают за чартистами». Но чартисты относятся к новообращенным «не без подозрений» и не собираются выступать против хлебных законов, пока не получат «Хартию, всю Хартию и только Хартию»¹⁴.

«The Northern Star» со своей стороны призывала рабочих не доверять буржуазии: «Если эти люди вовлекут народ в объединенную агитацию за отмену хлебных законов и за Хартию, мы скажем народу, что законы будут отменены, а Хартия выброшена за борт; и тогда обе клики (т. е. тори и виги.— А. Р.) снова объединят свои силы, чтобы сокрушить чартистов»¹⁵. Газета писала, что необходима бдительность, рекомендовала рабочим участвовать во всех публичных собраниях, организованных Лигой, но не допускать принятия резолюций, требующих отмены хлебных законов до победы Хартии.

⁹ «The Quarterly Review», December 1842 — March 1843, Anti-Corn-Law Agitation, p. 244—313.

¹⁰ «The Northern Star», 26.II.1842.

¹¹ «The Northern Star», 5.III.1842.

¹² «The Northern Star», 23.IV.1842.

¹³ Между прочим и сам автор статьи отмечал, что в марте провалилась попытка фритредеров организовать совместную с чартистами демонстрацию «в пользу принципов, воплощенных в Народной Хартии, и полной отмены хлебных законов». — «The Quarterly Review», p. 275—276.

¹⁴ «The Leeds Mercury», 5.III.1842.

¹⁵ «The Northern Star», 26.II.1842.

12 марта Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации предложил проекты двух резолюций, рекомендуя чартистам отстаивать их. Первая объявляла Хартию единственным средством борьбы рабочих, а вторая, осуждая хлебные законы, выражала уверенность, что их может отменить только «парламент, представляющий интересы и мнения всего народа Великобритании и Ирландии». «The Northern Star» возражала против второй резолюции, усматривая уступку фритредерам даже в упоминании о хлебных законах¹⁶.

Разъясняя тактику чартистов этого периода, Джулиан Гарни, возглавлявший тогда шеффилдскую организацию чартистов, писал: «Никогда в истории нашего движения чартизм не занимал такой гордой позиции; но будьте осторожны, как бы этот час нашего кажущегося триумфа не оказался часом нашего падения. Буржуазия обращается в нашу веру. Хорошо. Но смотрите, чтобы это было настоящее, не мнимое обращение. Если она предполагает идти с вами к чему-нибудь на йоту меньшему, чем Хартия — не имейте с ней ничего общего. Если она проглотит всю Хартию, но поставит ее на второе место после отмены хлебных законов — не имейте с ней ничего общего. Если, выступая с вами за Хартию, она скажет вам, что необходимо «избавиться от ваших нынешних вождей» — не имейте с ней ничего общего. Если она честна — она выступит с вами за всю Хартию, она согласится сделать ее единственной целью агитации и бороться под руководством тех, кого народ избрал своими вождями. Буржуазия бессильна без нас»¹⁷.

В апреле первая бирмингемская конференция радикалов-стёрджистов поддерживала все шесть требований Хартии. Это была попытка захватить в свои руки руководство движением. Теперь чартисты и фритредеры-радикалы выдвигали формально одни и те же требования, но вкладывали они в них совершенно различный социальный смысл.

«The Northern Star» следующим образом объясняла сложившееся положение. Если бы в планы стёрджистов, которые «объявили себя чартистами», не входил захват руководства движением во имя своих собственных интересов, они распустили бы свою конференцию и вступили в Национальную чартистскую ассоциацию. Вместо этого они организовали «Национальный союз полного избирательного права», пытаясь разбить сложившийся союз рабочих. Но пусть буржуа не надеются подчинить себе чартистское движение. Отметив отказ конференции выразить благодарность рабочему классу за его «выдержку и смелость», газета рекомендовала рабочим не доверять фритредерам, «внезапно обратившимся в чартистскую веру»¹⁸.

На чартистском конвенте, состоявшемся в апреле — мае 1842 г., ясно выявилось, что местные чартистские организации вели в то время энергичную борьбу за свою самостоятельность против попыток буржуазии подчинить себе движение¹⁹.

20 апреля конвент рассматривал вопрос о необходимости сохранения названия «Хартия». По сути дела речь шла о самостоятельности движения. Чартисты считали, что фритредеры, предлагая отказаться от этого названия, хотят стать во главе движения и изменить его характер, что они неискренни, когда заявляют о своем признании принципов Хартии. Питер Мак-Дуэлл говорил, что единство рабочих важнее союза с буржуазией; Джонатан Бэйрстоу считал союз рабочего класса с буржуазией «неполитичным»; Уильям Бизли обвинял стёрджистов в стремлении «избавиться от нынешних вождей, разрушить нашу организацию и снова привести нас к политической гибели»; генеральный секретарь Национальной чартистской ассоциации Джон Кемпбелл видел ее главную задачу в установлении единства рабочих — тогда они добьются Хартии без помощи буржуазии; Кристофер Дойл не верил в искренность намерений буржуазии «освободить рабочий класс от крепостного состояния» и считал, что «две ассоциации не могут существовать, не причиняя вред друг другу». Конвент единогласно одобрил резолюцию о сохранении названия «Хартия», а 5 мая большинством голосов исключил из проекта обращения пункт, одобряв-

¹⁶ «The Northern Star», 12.III.1842.

¹⁷ «The Northern Star», 5.III.1842.

¹⁸ «The Northern Star», 16.IV.1842.

¹⁹ Это видно из выступлений делегатов Конвента. — «The Northern Star», 23.IV.1842.

ший признание бирмингемской конференцией шести требований Хартии²⁰. Это был отказ от предложенного фритредерской буржуазией политического руководства.

Чартисты были правы, придавая большое значение вопросу о названии. Дело было не в том, что буржуазию испугала «физическая сила», духом которой веяло от слова «Хартия». Фритредеры в то время прямо призывали рабочих к восстанию за отмену хлебных законов. Их «принципиальные» возражения против применения «физической силы» были поэтому лицемерием. Политический смысл отказа от названия «Хартия» заключался в том, что буржуазные радикалы пытались оправдать таким образом создание «Национального союза полного избирательного права»²¹. Для чартистов же название «Хартия» стало символом социальных устремлений движения, его специфически пролетарского характера.

Попытки организации радикалов увлечь за собой рабочих повсеместно встречали решительный отпор со стороны чартистов. Примером может служить митинг в Ковентри 19 июля 1842 г., где резолюции фритредеров были отклонены²². «The Northern Star» в редакционной статье «Движение буржуазии и как к нему правильно отнестись» писала, что буржуазия осталась «жадной, хитрой, трусливой и бесчестной». На словах сочувствуя рабочим, она продолжает жестоко угнетать их и ставить чартистскому движению палки в колеса. Фабриканты и владельцы рудников заставляют рабочих подписывать обязательства не посещать митингов, увольняют рабочих за участие в чартистских демонстрациях, закрывают ворота фабрик, чтобы помешать рабочим послушать выступления своих вождей. Буржуазия, «забавляя нас разговорами о Хартии, обеспечивает себе помощь для проведения своих собственных проектов свободной торговли, с осуществлением которых наши оковы станут еще более прочными, наши нищета и страдания еще более устрашающими, а проведение Хартии будет отложено на неопределенный срок». На общих со стёрджистами митингах, рекомендовала газета, следует выдвигать резолюции, поддерживающие Национальную чартистскую ассоциацию и призывающие вступать в нее. Вместе с тем нужно защищать стёрджистов, когда те подвергаются нападкам со стороны «открытых защитников классового законодательства». Ни в коем случае не следует разгонять собрания стёрджистов — это принесет пользу только тори и вигам. Только таким путем «чартистское движение буржуазии может быть поставлено на службу нашему делу»²³.

Вообще с переходом буржуа-фритредеров на радикальные позиции доверие чартистов к ним отнюдь не возрастало²⁴. Когда фритредеры объявляли себя сторонниками расширения избирательного права, чартисты указывали на беспощадную эксплуатацию, которой подвергался рабочий; когда буржуа одобряли принципы Хартии, чартисты осведомлялись, не во имя ли этих принципов фабриканты обращаются к властям за военной помощью против стачечников: когда сторонники Стёрджа проливали слезы по поводу бедственного положения рабочих, чартисты вспоминали о фабричных детях, чья жизнь приносилась в жертву «ненасытной мамоне»; когда Лига вещала о «большом каравае», чартисты спрашивали у нее ответа за голодную смерть пауперов в буржуазных «бастилиях»; когда буржуа распинаясь в своей честности и просили помощи рабочих, чартисты напоминали рабочему классу, что он уже однажды оказал помощь буржуазии, а затем был предан ею.

Анализ взаимоотношений чартистов и фритредеров в 1842 г. подтверждает вывод о классовой самостоятельности движения, которую чартисты отстаивали в борьбе с буржуазными радикалами. Как мы видели, источники не подтверждают сведений о том, будто в Манчестере было заключено соглашение между фритредерами и чартистами о совместной агитации за Хартию и отмену хлебных законов. Поэтому

²⁰ «The Northern Star», 30.IV, 14.V.1842.

²¹ Этим же объяснялось разногласие из-за терминов, различавшихся на первый взгляд лишь формально, — «полное избирательное право» (Complete Suffrage) и «всеобщее избирательное право» (Universal Suffrage).

²² «The Northern Star», 23.VII.1842.

²³ «The Northern Star», 16.VII.1842.

²⁴ «Они думали, — писала газета чартистов, — что мы не узнаем грязного старого знакомого в чистой рубашке, поэтому они облачили чудовище в демократические одежды; но зоркий и наблюдательный народ сразу узнал выгов и свободную торговлю под тонким покрывалом чартизма. Мы сорвали маску с чудовища и разоблачили его безобразие». — «The Northern Star», 26.III.1842.

Б. А. Рожков допускает ошибку, утверждая, что совместный митинг чартистов и либералов в Мэрилебоне был «выступлением в духе достигнутого соглашения»²⁵. В резолюции, предложенной О'Коннором и принятой этим митингом, содержался отказ от всякой иной агитации, кроме агитации за Хартию. Резолюция прямо отрицала «компетенцию и право» парламента, избранного до победы Хартии, отменить хлебные законы, ибо их отмена «не пошла бы на пользу рабочему классу». Б. А. Рожков об этом не упоминает, хотя это решение свидетельствует о неудаче попытки радикалов достигнуть соглашения с чартистами²⁶.

* * *

Чем же определялась, на чем основывалась самостоятельная тактика чартистов в условиях, когда широкие круги фритредерской буржуазии стали в той или иной мере выступать за Хартию? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к материалам, характеризующим систему социально-политических взглядов чартистов, рассмотреть некоторые их теоретические документы.

В конце 1841 г.— начале 1842 г. в «The Northern Star» была опубликована серия редакционных статей о влиянии развития производства на положение рабочих. В них говорилось, что фритредеры обещают рабочим в случае «расширения торговли» дешевый хлеб, высокую заработную плату и занятость. Но производство и торговля непрерывно «расширялись» в течение предшествовавших десятилетий. Что же получил от этого рабочий? Возросла ли его заработная плата? Наоборот: «Мы в значительной степени улучшили наши средства производства богатств. В помощь нам была призвана наука; на службу к нам поступили химия и механика; в нашем распоряжении неодушевленная сила, заменяющая труд 650 млн. человек. Почему же народ так беден? Как случилось, что как раз в той же пропорции, в какой возрос размер неодушевленной силы, сократилась заработная плата и ухудшился быт рабочего?». Рабочие не заинтересованы в дальнейшем «расширении» существующей системы. Эта система может быть достаточно хороша для буржуазии, но рабочие желают изменить ее²⁷.

Характеристике капиталистической системы посвящена также статья «Употребление машин и злоупотребление ими». Утверждение фритредеров, что чартисты являются врагами машин, писал автор, не соответствует действительности: они выступают лишь против их «неправильного применения». Правильным автор считал такое применение, которое обеспечивает рабочему «справедливую долю выгод», неправильным — которое вызывает скопление огромных богатств, с одной стороны, и падение заработной платы и нищету — с другой. Если машины «использовать так, чтобы отдать всю выгоду небольшому меньшинству и вызвать нищету, лишения и смерть трудящегося большинства, — то такому применению машин не может быть оправдания». Между тем машины до сих пор применялись именно так, против чего и выступают чартисты: «То, что само по себе является величайшим благодеянием, не должно превращаться в величайшее бедствие и проклятие»²⁸.

В статье «Разрешение удивительной аномалии, состоящей в том, что может существовать и существует перепроизводство одежды и пищи, в то время как народ погибает от голода» газета указывала, что рост производства при существующей системе распределения только усиливает нищету и бедствия рабочего класса, который испытывает «самые ужасные и до сих пор неслыханные в Англии мучения». По подсчетам автора, производительные силы страны в период 1792—1842 гг. возросли более чем в 40 раз, но это не только не повысило жизненный уровень рабочих, а, наоборот, понизило его²⁹.

²⁵ «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 120.

²⁶ «The Northern Star», 5.III.1842.

²⁷ «The Northern Star», 1.I.1842.

²⁸ «The Northern Star», 5.II.1842. «Мы считаем, что невозможно вернуться к грубому и примитивному труду прошлых времен, так же как помешать изобретениям и открытиям машин и процессов, которые придут на смену применяемым ныне».

Джеймс Лич говорил по этому поводу: «Пусть каждый промышленник отправляется в постель с помощью пара, если он в то же время не тащит моей постели из-под меня». — «The Northern Star», 12.II.1842.

²⁹ «The Northern Star», 30.VII.1842.

В то время большой популярностью в чартистских кругах пользовалась брошюра Джона Кемпбелла «Исследование хлебных и продовольственных законов от их появления до настоящего времени»³⁰. Эта брошюра была своего рода учебником чартистской политической экономии. Ее высоко ценили Лич, Мак-Дуэлл и О'Коннор. Чартисты часто пользовались доводами и материалами Кемпбелла в теоретических дискуссиях с Лигой³¹.

Кемпбелл считал, что отмена хлебных законов вызовет новый бурный рост машинного производства, который в условиях существующей общественной системы действует на рабочего губительным образом. «Я не жалею о улучшениях в машинах, я жалею о том, что каждое дополнительное усовершенствование вместо того, чтобы уменьшить затраты труда, в действительности увеличивает их». Увеличивая интенсивность труда одного рабочего, всякое усовершенствование «выбрасывает другого на улицу умирать голодной смертью». При этом введение машин в любой отрасли хозяйства немедленно отражается на положении рабочего класса в целом³².

Кемпбелл показал, что рабочим доставалась все меньшая доля в стоимости произведенного продукта. «Положение трудящихся постепенно ухудшается, и теперь оно внушает ужас». Он пришел к выводу, что «близится время, когда в государстве будут две партии: угнетатель и угнетенный, ничего не производящий грабитель и ограбляемый производитель»³³.

«Сторонники отмены хлебных законов говорят, что вы мало работаете,— писал Кемпбелл.— Но разве житницы не полны хлебом, выращенным трудом народа, разве склады не ломятся под тяжестью льняных, хлопчатобумажных, шелковых, шерстяных тканей, разве не пустуют многие тысячи домов, построенных вашими руками? И среди всего этого изобилия люди умирают от голода, страдают от недостатка одежды, лишены крова или живут в сырых, темных, грязных и душных подвалах»³⁴.

Мысль о том, что бедствия рабочего класса являются условием накопления богатства буржуазии и что капиталист прямо заинтересован в падении жизненного и нравственного уровня рабочего, вытекала из повседневного опыта пролетариата и имела весьма широкое распространение. Джеймс Лич, выступая перед рабочими Бирмингема, обрушился на фритредеров, объявивших хлебные законы единственной причиной бедственного положения рабочих, и показал, что заработная плата падала независимо от действия этих законов³⁵. Чартист Тэйлор на митинге в Дареме говорил, что в той же степени, в какой возрастало производство и расширялась торговля, «нищета становилась уделом рабочих»³⁶.

Чартисты открыто заявляли о своих намерениях преобразовать общественную систему в интересах рабочего класса. «История рабочего класса является летописью его нищеты и деградации,— говорил Мак-Дуэлл.— Против этой системы угнетения, вызванной к жизни классовым законодательством, чартисты и ведут войну; мы

³⁰ «An Examination of the Corn and Provision Laws from their First Enactment to the Present Period. By John Campbell, Secretary to the Executive Council of the National Charter Association (далее — J. Campbell. An Examination)». Manchester, 1841.

³¹ «The Northern Star», 29.I.1842.

³² J. Campbell. An Examination, p. 21. «В какой бы части Соединенного королевства ни произошло усовершенствование машин, оно оказывает влияние на положение всех трудящихся. Ибо всякий раз, когда происходит усовершенствование той или иной машины и в результате «руки» («hands») лишаются работы, люди, на месте которых оказалась машина, вынуждены искать занятия в какой-либо другой отрасли труда, и таким образом каждое дополнительное усовершенствование машинного оборудования наносит ущерб всему рынку труда».— Ibid., p. 21—22.

³³ Ibid., p. 42—43, 48.

³⁴ Ibid., p. 44.

³⁵ Лич отмечал также, что во имя свободы торговли Англия ведет грабительские войны и поработачивает другие народы. Фритредеры «недавно провели в Китае несколько экспериментов со свободной торговлей и стреляли в китайцев за то, что они не разрешили отправлять себя во славу коммерции».— «The Northern Star» 12.I.1842.

³⁶ «The Northern Star», 8.I.1842. Об этом же говорили рабочий-металлист Смит-Линдон, чартистский лектор У. Джонс в диспуте с фритредером Фалви, чартист Мэйсон и др.— «The Northern Star», 22.I, 19.III, 28.V.1842

будем бороться, пока не разрушим ее»³⁷. За победой Хартии они видели смутные очертания нового общественного строя: «справедливую заработную плату», применение машин, выгодное не только фабрикантам, но и рабочим, регулирование прибылей капиталистов, ликвидацию крупного помещичьего землевладения и возвращение больших масс рабочих на землю, отмену всех «дурных законов» и введение новых, защищающих интересы рабочих. Все эти меры должны были «освободить труд». Энгельс был глубоко прав, указывая в 1845 г., что почти все чартистские вожди были в общем смысле слова социалистами³⁸.

Основное отличие чартизма от буржуазного радикализма Стёрджа и мелкобуржуазного демократизма Ловетта заключалось как раз в социальном характере и социальных целях движения. Многие чартисты понимали это, о чем свидетельствует, например, полемика Мак-Доуэлла с шотландскими чартистами. Дункан, председатель конвента шотландских чартистов, отвергшего Национальную петицию, считал, что чартистские принципы относятся только к «конституции законодательной власти». Если человек поддерживает шесть пунктов Хартии, он — чартист, независимо от того, как он их понимает; чартистом может быть и фритредер; можно отвергнуть петицию и остаться чартистом. Мак-Доуэлл отвечал на это, что рабочие желают не только обладать Хартией, но и пользоваться ею, ибо Хартия необходима для ликвидации социальных зол. Конечно, фритредеры могут называть себя чартистами, «но ни один честный человек не назовет их друзьями рабочих». Признание шести пунктов Хартии еще никого не делает чартистом³⁹.

Чартизм был наиболее высокой формой идеологии рабочего класса домарковского периода. В. И. Ленин указывал, что английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхитило многое из будущего марксизма⁴⁰. К числу таких догадок чартистов можно отнести мысли о том, что бедствия рабочего класса — необходимое условие накопления буржуазией богатств, что пролетариату поэтому следует в борьбе за свое освобождение «полагаться только на самого себя»⁴¹, что выход из «унизительного и нечеловеческого состояния рабства» может быть достигнут лишь путем политической борьбы. Это были выводы, непосредственно вытекавшие из борьбы английского пролетариата.

Сказанное, однако, не означает, что можно согласиться с тезисом Б. А. Рожкова относительно целей чартистского движения. Б. А. Рожков утверждает, что в качестве главной цели своей борьбы чартисты признавали «ниспровержение господства буржуазии и завоевание пролетариатом политической власти для социального освобождения трудящихся (организации социалистического общества)». Хотя «это не означает, конечно, что данная цель выступала одинаково отчетливо с самого начала чартистского движения», но в период 1840—1844 гг. «у чартистов исчезают последние иллюзии»⁴².

Надо сказать со всей определенностью, что в 1842 г. чартисты считали единственным источником социальных несправедливостей монополию лендлордов и буржуазии на избирательное право (Monopoly of Suffrage). Этот вывод красной нитью проходил через всю систему взглядов чартистов⁴³. В общественном строе, который должен был быть установлен после победы Хартии, согласно мнению чартистов,

³⁷ «The Northern Star», 21.V.1842. «Вновь и вновь мы заявляли, — писала газета, — что мы не дали бы за Хартию и ломаного гроша, если бы она не была средством для достижения цели, а этой целью является поддержка права труда». — «The Northern Star», 5.II.1842. В обращении к тред-юнионам чартистский конвент указывал: «Мы представляем рабочий класс, который поднялся до понимания своего политического рабства». — «The Northern Star», 30.IV.1842.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 460.

³⁹ «The Northern Star», 5, 12.II.1842. Лозунг «Хартия, вся Хартия и только Хартия» отнюдь не следует понимать в том смысле, что Хартия была конечной целью, а не средством. Этот лозунг выражал лишь отказ до победы Хартии участвовать в борьбе против хлебных законов.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 282.

⁴¹ «The Northern Star», 23.IV.1842.

⁴² «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 111.

⁴³ Вот одна из формулировок этого вывода, неустанно пропагандировавшегося чартистами: «Мы видим причину всех несчастий в классовом законодательстве, защищающем интересы немногих в прямом противоречии с интересами большинства». — «The Northern Star», 21.I.1842.

сохранялись основные категории капиталистического общества — частная собственность, наемный труд и капитал, заработная плата и прибыль.

Так, в Национальной петиции 1842 г. выражалось намерение установить «безопасность собственности и процветание торговли»⁴⁴. Подобная мысль содержалась и в документе, принятом Конвентом после того, как парламент отверг петицию⁴⁵. О'Брайен говорил в апреле 1842 г.: «Позицию чартистов искажают, изображая их врагами собственности. Я кое-что знаю о чартизме и никогда в моей практике не встречал разумного чартиста, чьи возражения против нынешней институции собственности не вытекали бы из того, что не все обладают равными возможностями приобрести и защитить её при помощи закона. Сделайте законное и справедливое приобретение собственности равно доступным для всех, затем дайте собственности всех равную защиту закона — и никогда больше не нужно будет испытывать страх за собственность. Чартисты, как бы они ни были бедны, не желают собственности других людей, как бы они ни были богаты. Они требуют лишь справедливых установлений, чтобы получить возможность впредь приобретать собственность»⁴⁶. В обращении чартистской организации рабочих-механиков Манчестера «К механикам и тред-юнионам Великобритании» в числе других результатов победы Хартии указывались «должное вознаграждение за труд, безопасность капитала, доверие и добрая воля в отношениях между хозяевами и рабочими, справедливость для всех и конец несправедливости»⁴⁷.

Известный протест Национальной петиции против «монополий» не следует понимать как призыв к отмене частной собственности. В этом мы полностью согласны с Н. А. Ерофеевым⁴⁸. В представлении чартистов «Monopolies of Machinery», например, означали применение машин к исключительной выгоде капиталистов, а такое применение было, по мнению чартистов, вызвано не частной собственностью, а классовым законодательством. О том, как чартисты предполагали ликвидировать «Monopolies of Machinery» или «обеспечить рабочему справедливую долю выгод от применения машин», можно узнать из лекции Джеймса Лича «Единый способ поставить машины на службу народу, а не классу». Лич видел выход в возвращении рабочих на землю и в системе небольших ферм⁴⁹. Этот «естественный рынок труда», отвлекая рабочих из городов, мог бы повлиять, полагали чартисты, на машинное производство таким образом, что фабричный рабочий получил бы в достатке «пищу, одежду, жилье и образование»⁵⁰. Отметим также, что известный буржуазный историк Маколей, выступая в парламенте против требований петиции, обвинял ее авторов в стремлении к нарушению «священных прав собственности» и «грабежу», но не в желании упразднить частную собственность на средства производства⁵¹.

С падением «классового законодательства», по мнению чартистов, заработная плата и прибыль должны были стать «справедливыми», а машины применяться так, чтобы обеспечить как капиталисту, так и рабочему «справедливую долю выгод». Хартия рассматривалась как средство для создания «союза между всеми классами» и примирения «многих и противоречивых интересов». Чартисты стремились установить демократию для всех, надклассовое государство в классовом обществе. В результате победы Хартии законодательство должно было стать «справедливым для всех, а не для отдельного класса», а рабочему классу предстояло, выступая за свои интересы, поддерживать тем самым интересы капитала⁵². Эти утверждения соответство-

⁴⁴ «The Times», 3.V.1842.

⁴⁵ «The Northern Star», 14.VI.1842.

⁴⁶ «Report of the Proceedings», p. 38.

⁴⁷ «The Northern Star», 9.VII.1842.

⁴⁸ См. «Новая и новейшая история», 1960, № 1, стр. 88.

⁴⁹ «The Northern Star», 6.VIII.1842.

⁵⁰ «The Northern Star», 14.I.1843.

⁵¹ Эта часть речи Маколей неточно изложена в книге М. Бера «История социализма в Англии», и Б. А. Рожков напрасно пользуется пересказом, а не первоисточником. — См. «The Times», 4.V.1842.

⁵² «The Northern Star», 5.II, 5.III.1842. «Мы выступаем за политическую власть (Political Power) не для того, чтобы вытеснить вигов и тори, а для того, чтобы получить равную с ними власть», — говорил О'Коннор. Из этого следует, что термин «Political Power» чартисты понимали не как политическое господство, исключительную власть, а как политические права, участие в управлении.

вали утопическим взглядам чартистов на будущее общество, где вслед за «классовым законодательством» должна была исчезнуть также непримиримость интересов буржуазии и пролетариата.

Б. А. Рожков ссылается на Маркса в подтверждение своей мысли о том, что в период 1840—1844 гг. у чартистов исчезают «последние иллюзии»⁵³. Однако эта ссылка, как уже отметил Н. А. Ерофеев, основана на недоразумении⁵⁴.

Чартистский пролетариат вел борьбу за политическую власть как средство преобразования социального строя в интересах рабочего класса. Но понимали чартисты политическую власть рабочего класса как «законодательство, справедливое для всех». Социальные требования чартистов были утопическими, когда они всерьез полагали, что демократическая конституция снимет противоречия капиталистического строя. Эти иллюзии не были изжиты чартистами. Именно поэтому утверждение Б. А. Рожкова, что главной целью борьбы чартисты считали завоевание пролетариатом политической власти для организации социалистического общества, представляется нам преувеличением теоретической зрелости чартизма⁵⁵.

Следует вспомнить, что В. И. Ленин характеризовал завоевание пролетариатом политической власти и организацию социалистического общества как конечную цель борьбы пролетариата, указанную теорией научного социализма — марксизмом⁵⁶. Заслуга провозглашения и научного обоснования конечной цели борьбы пролетариата всецело принадлежит Марксу и Энгельсу. Чтобы сформулировать эту цель, нужно было увидеть во всяком государстве орган классового господства, в политической власти — организованное насилие одного класса для подавления другого, т. е. совершить великое научное открытие, подвести, как писал В. И. Ленин, «общие итоги истории»⁵⁷.

Чартисты при всех их революционных заслугах не смогли в рассматриваемый период подняться до уровня научного социализма, а их организация не стала поэтому самостоятельной рабочей политической партией, которая осуществляет «соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата»⁵⁸.

Чтобы предупредить возможное недоразумение, важно еще раз сказать, что введение Хартии в условиях Англии того времени означало бы, как отмечал Маркс, установление политического господства рабочего класса⁵⁹. Тогда пролетариат в борьбе против «монополий» неминуемо натолкнулся бы на основу существующего способа производства — капиталистическую частную собственность. Но чартисты задачу ликвидации этой собственности не ставили. Энгельс писал в 1845 г., что рабочим еще многое предстоит уяснить «из того, чего им можно будет добиться посредством Хартии и о чём они пока имеют ещё очень смутное представление»⁶⁰.

* * *

Система взглядов чартизма была «политическим выражением общественного мнения рабочих»⁶¹. Рост влияния чартистов в рассматриваемый период⁶² виден из следующих данных, почерпнутых из «The Northern Star»: в октябре 1841 г. Национальная ассоциация насчитывала 16 тыс., в декабре — 30 тыс., в феврале 1842 г. — 40 тыс., в августе — более 50 тыс. членов⁶³. В апреле 1841 г. в Ассоциацию входили

⁵³ «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 111.

⁵⁴ См. там же, 1960, № 1, стр. 88.

⁵⁵ Если, говоря об «организации социалистического общества» и о политической власти пролетариата как о целях чартистов, Б. А. Рожков имел в виду утопическое общество и чартистское «законодательство, справедливое для всех», то он, видимо, должен был ясно сказать это.

⁵⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 159, 190—191, 239—240; т. 1, стр. 168.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447; В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 378.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 240.

⁵⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 361—362.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 459.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 16.

⁶² Следует иметь в виду, что могучим пропагандистом чартистских идей был экономический кризис, на фоне которого развертывалась классовая борьба в 1842 г.

⁶³ «The Northern Star», 9.X.1841, 1.I, 19.II, 6.VIII.1842.

70—50 местных организаций, в октябре — 200, в декабре — 299, в феврале 1842 г. — 330, в апреле — 350, в мае — 400⁶⁴.

В 1842 г. в Ассоциацию вошли многие тред-юнионы. Так, в Манчестере местными организациями Ассоциации стали тред-юнионы плотников (апрель), рабочих-металликов (май), каменщиков, прядильщиков, бумазейщиков, маляров и котельщиков (июнь). Кемпбелл выражал тогда уверенность в том, что через 6 месяцев все рабочие союзы Манчестера войдут в Ассоциацию⁶⁵.

Исполнительный комитет писал: «За весьма ограниченный период мы выдали 40 тыс. билетов. Но не следует думать, что это большое число определяет всю нашу силу, ибо мы привлекали к нашей Ассоциации многие тысячи сторонников, которые пока не получили билетов, но всякий раз, когда необходима демонстрация силы, собираются... в несметном числе»⁶⁶.

Действительно, приведенные данные о числе членов Ассоциации весьма условны. В нее мог вступить каждый; недаром чартисты употребляли термин «внесение в список». Обычно после рабочего митинга или выступления чартистского лектора представитель местной организации записывал в Ассоциацию желающих. Для этого достаточно было назвать фамилию и заявить о согласии с принципами Хартии. Были случаи, когда тысячи рабочих, собравшись на митинг, коллективно принимали решение о вступлении в Ассоциацию⁶⁷. Руководители ее стремились к тому, чтобы каждый рабочий стал членом Ассоциации. В этих условиях формальным признаком членства не придавалось большого значения. Между тем Исполнительный комитет определял число членов по числу выданных членских билетов⁶⁸.

Эта организационная расплывчатость Ассоциации, несомненно, должна быть принята во внимание при общей оценке первой массовой политической организации пролетариата. Но Б. А. Рожков, к сожалению, не рассматривает эту сторону вопроса.

* * *

Остановимся в заключение на некоторых вопросах августовской стачки 1842 г., важных для общей характеристики чартистского движения⁶⁹.

В бурные дни августа на практике проявились как сильные, так и слабые стороны чартизма — его пролетарски-революционный характер и расплывчатость его социальных устремлений, его массовость и слабость его организации.

15 августа в Манчестере собралась конференция представителей стачечников от многих промышленных центров Ланкашира и некоторых городов Йоркшира. Часть делегатов была избрана тред-юнионами, другая — собраниями рабочих отдельных фабрик, третья — общими городскими собраниями стачечников. Число делегатов конференции увеличивалось по мере того, как стачка охватывала новые районы.

В первый день 58 делегатов заявили о намерении избравших их рабочих использовать стачку как «средство добиться Хартии». 7 делегатов видели в стачке борьбу за повышение заработной платы, 19 делегатов воздержались. 16 августа 120 из 141 делегата одобрили резолюцию Мэлери, предусматривавшую «прекращение работы, пока Хартия не станет законом страны».

⁶⁴ «The Northern Star», 9.X, 24.XII.1841, 19.II, 30.IV, 21.V, 11.VI.1842.

В Йоркшире число местных организаций с лета 1841 г. до мая 1842 г. возросло с 12—15 до 100. В Лестере в январе 1842 г. возникла «Шекспировская ассоциация лестерских чартистов» во главе с Томасом Купером. Тогда она насчитывала 700, в феврале — 850, в марте — 934, в апреле — 1130, в мае — 1300 человек. За первые две недели июня число членов организации возросло с 1610 до 2100.— «The Northern Star», 22.I, 5, 19.III, 23, 30.IV, 14.V, 4, 18.VI.1842.

⁶⁵ «The Northern Star», 23.IV, 4, 11, 18.VI, 2.VII.1842.

⁶⁶ «The Northern Star», 19.II.1842.

⁶⁷ «The Northern Star», 2.V.1842.

⁶⁸ Такой подсчет, по мнению лестерского корреспондента «The Northern Star», не давал и половины численного состава Ассоциации.— «The Northern Star», 18.VI.1842.

⁶⁹ Обширный материал о ходе стачки содержится в «The Trial of Feargus O'Connor, esq., and Fifty-Eight Other, at Lancaster on a Charge of Sedition, Conspiracy, Tumult and Riot». Manchester, 1843. См. также «The Northern Star», «The Times», «The Leeds Mercury» за соответствующий период; «The Quarterly Review», December 1842 — March 1843, p. 244—313.

Решение конференции соответствовало положению дел на местах. 11—16 августа — во время рабочего междоуарствия — Хартия становилась непосредственной целью борьбы стачечников. Стихийное превращение стачки, возникшей как протест против снижения расценок, в выступление за Хартию показало, как основательно идеи чартизма овладели сознанием рабочей массы.

Стачка возникла и развивалась как движение чартистского пролетариата. Попытки буржуазии возглавить ее и превратить в выступление против хлебных законов повсеместно потерпели неудачу. Буржуазия, спровоцировавшая стачку, увидела на знамени стачечников слова: «Хартия и справедливая заработная плата за честный труд». Этот лозунг выражал стремление преобразовать «систему» в интересах рабочего класса. Буржуазия поняла это и окончательно отмежеввалась от чартистского движения. Вместе с тем требования стачечников показывают, как туманно чартисты представляли себе преобразование общественного строя.

Национальная чартистская Ассоциация и ее местные организации даже не пытались возглавить движение, а Исполнительный комитет определил свое отношение к стачке только 17 августа. В этот день конференция чартистских лидеров в Манчестере одобрила резолюцию Бэйрстоу с призывом о продолжении стачки до победы Хартии. Однако к этому времени буржуазные муниципалитеты с помощью регулярной армии уже овладели положением в промышленных центрах, и движение пошло на убыль.

Августовские события показали, что Ассоциация, главное содержание деятельности которой составляла организация пропаганды, оказалась непригодной для руководства стачечной борьбой пролетариата. Иными словами, стачка обнаружила неспособность Ассоциации выступить в качестве руководящего отряда рабочего класса⁷⁰. Это обстоятельство нельзя не учитывать, характеризуя Ассоциацию как партию рабочего класса.

* * *

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что чартизм являлся в рассматриваемый период революционным движением широких пролетарских масс. Система взглядов чартистов свидетельствовала о сравнительно высоком уровне классового самосознания английского пролетариата: чартисты видели в политической борьбе единственный путь к преобразованию общественного строя в интересах рабочих. Они выступали как самостоятельная политическая сила и создали первую в истории массовую политическую организацию рабочего класса — Национальную чартистскую ассоциацию.

Нельзя, однако, забывать, что политическим идеалом чартистов было надклассовое государство, а тот строй, который они стремились создать в интересах пролетариата, не был подлинно социалистическим. Это и понятно, ибо теория научного социализма, которая одна могла правильно показать основные черты того строя, который должен был прийти на смену капитализму, к этому времени еще не сложилась.

Имея в виду, что действительно самостоятельной политической партией пролетариата можно считать лишь партию, правильно понимающую конечную цель борьбы и пути ее достижения, мы не можем согласиться с Б. А. Рожковым, который утверждает, что английский рабочий класс во время чартизма был «организован в самостоятельную политическую партию»⁷¹.

⁷⁰ А. Л. Мортон тоже отмечает, что неудача всеобщей стачки «была также неудачей и чартистских руководителей». — «Новая и новейшая история», 1960, № 3, стр. 73.

⁷¹ См. «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 114.